

Александр Владыкин

Топтун

16+

Александр Евгениевич Владыкин

Топтун

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42656332

SelfPub; 2019

Аннотация

Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Это книга про другой мир, дружелюбный нам, готовый всегда прийти на помощь.

Глава 1

Наш посёлок раньше был селом, а некоторые жители помнят его ещё хутором. Мои родители между собой разговаривали на литовском языке, думая, что мы их не понимаем, так им легче было решать взрослые вопросы в кругу нашей семьи. Они были очень культурные люди, но жили не в «этом мире». Этот мир начинался за дверями нашего дома, и понять его могли только мы, разговаривающие на сленге, состоящем из четырёх языков. Мы не понимали взрослых, взрослые не понимали нас. В уличное воспитание пытались внести свою лепту учителя, прививая нам культуру цивилизованного мира. Увы, реалии жизни стояли выше старания преподавателей, от школы мы брали то, что нам было необходимо, и скорее школу терпели, как неприятную повинность. У Расмы занятия закончились, чуть раньше, чем у нас. Папа отвёз её к бабушке в Литву. Каждое утро мои предки уезжали на работу, рабочий автобус подбирал их с трассы. На столе меня ожидал завтрак, и записка – напоминание, что я должен купить в магазине, под записку. Мама сама оплачивала покупки в конце недели. Днём посёлок вымирал, в посёлке работы не было, все работали на выезде. Магазин, и тот находился на трассе, в трёх километрах от нашего дома, школа в которой мы учились с сестрой, была в соседнем селе, до школы нас подвозил автобус. Учеников было немного, всего семь человек из моего класса, остальные – были мелкота, они уже на каникулах. После занятий мы были представлены сами се-

бе, и до приезда родителей можно было забыть про уроки. Обычно, порешав свои дела, мы собирались на старых гаражах. Но сегодня никого не было, даже Юргис со Стасом не вышли, один Мажутис вертелся возле трассы, он каждый вечер бегал встречать мать, помогал ей сумки нести. У Мажутиса было имя, но все называли его по фамилии, и взрослые и дети. Я сбегал в магазин, и вернулся с хлебом и кефиром в дом. На скамейке меня ждала Расма с дедом. Деда я видел всего два раза, знаю, что до пенсии он работал лесником, и то, что мы живём в его доме, он был не родным отцом для моей матери, и у нас почти не появлялся. Я завёл неожиданных гостей в дом. Расма переделалась и полетела по своим подружкам. Дед жил на хуторе с нашей бабой, но как настоящий лесной человек, был молчалив, я с момента его появления, не услышал ни одного слова. Всё-таки он не выдержал – заговорил по-литовски, потом перешёл на польский, и завершил свою фразу на белорусском языке. Он видимо хотел проверить знание мной языков нашей местности. Дед спрашивал:

– Где мои родители?

Я ответил на английском, закончив диалог по – русски. Дед остался доволен, что-то сказал на немецком, вставив пару эстонских или финских слов, но я его уже не понял. Вечером приехали родители, они тоже не ожидали появления малой, и тем более деда. Дед с батей закрылись на кухне, потом позвали мать. Я услышал, как мама плакала. Обрывки

их разговора доносились до моей спальни, с их слов, я понял, что моя бабушка – в Литве, умерла, но дед с нами жить не будет, он просил отца с матерью отпустить на три дня сына, чтобы он показал ему своё жильё, и познакомил малого с секретами леса. Он обещал привести меня через три дня домой. Я слушал разговор взрослых, затаив дыхание, мы жили на границе Белоруссии с Литвой, и нас взрослые не пускали в лес. Граница проходила по озеру, лес был за озером, далеко от посёлка. А, справа от озера начиналось болото, наше местное болото, оно в каждом посёлке имело своё название: его называли волчьим, ведьминым, у нас оно было – Дяггин-лас. Никто не знал почему. Стариков в посёлке не осталось, а учителя в школе все были из приезжих. Их в народе ещё называли неудачники – это из тех, которые без протекции, не учили детей, а отработывали трудовую повинность, им жизнь в болотных местах, каторгой казалась. Это болото начиналось на белорусской территории и уходило глубоко в литовский гнилой лес. На нашем участке пограничников не было, не было ни ограды, не столбов с колючей проволокой, была граница на карте двух стран, и всё. Сам ландшафт местности был лучше контрольно-следовой полосы, люди панически боялись никогда не замерзающих болот, в них не рисковали надолго задерживаться даже самые обезбашенные туристы, охотники и рыбаки. Насколько для ребятни были любопытны всевозможные запреты взрослых, но никому из нас в голову не приходило желание сделать вылазку на болота.

Ага! У нас своих комаров и гнуса хватало! Мы в посёлке выросли на историях про водяных, упырей и болотных людей, питающихся человеческой кровью, а после Чернобыльской аварии, появились ещё мутанты. Мне казалось, что болотные мутанты, это самые лицемерные и свирепые из всей нечисти. Во всех рассказах они были похожи на самую мирную и доброжелательную семью, которая любыми путями старалась заманить путника к себе в дом, поразив его своим гостеприимством и хлебосольством, только приворот заканчивался, и путник сидел не за столом в уютной избе, он был по пояс в болоте, и в его теле торчали жала этих болотных вампиров. А рот был полон угощений из слизняков и болотных гнилушек. Болото не отпускало пленника, забрав его кожу и кости, как плату, за приют у этих ужасных существ, на белорусских землях. Отец ругался с матерью, он не хотел меня отпускать из дома, отцу не нравилось здесь: ни земля, ни люди, ни дед, которому никто не знал сколько лет, и которого все считали нелюдимым чудаком.

– Отдать ребёнка в руки этого маразматика? Ещё он его в лес потащит? На три дня!

Отец кипел, а мать его успокаивала. По-моему, они не пришли к согласию. Дед разбудил меня ночью, ещё на небе была луна. Мне показалось, что кто-то помогал мне одеться, я ещё спал, все мои движения были вялыми и неумелыми. Я не успел проснуться, когда очутился на улице, мы уже шли за околицу посёлка, по тропинке, вдоль озера, ветви ивы, на-

клонившейся над тропинкой, умыли меня утренней росой. Я окончательно проснулся. Своим детским сознанием я понимал, что дед меня выкрал из семьи, это было неправильно: мне хотелось домой, в свою постель. Я огляделся по сторонам. Я не узнал местности, мы были на маленьком острове, посреди высохшего болота с большими застывшими кочками, не было ни посёлка, не озера, не было леса, и тропинки, по которой мы пришли. Дед понял, что я очнулся и пришёл в себя, тогда он постарался поговорить со мной, по-взрослому:

– Запомни это место, внучек. Это вход в портал зоны. Ты уже взрослый, извини, что так получилось, я хотел, чтобы было всё по-хорошему. Твоим родителям я оставил записку, и через три дня я приведу тебя домой. У меня нет другого выхода. Кто знает? Может тебе и пригодится это место. Будем надеяться, что портал пропустит тебя, а если нет, то будешь ты сегодня дома, ещё до обеда.

Я пытался осмыслить во что я вляпался. Теперь было всё наоборот: я молчал, а дед болтал напрапалую, напоминая болотного мутанта.

– Дай мне слово, что ты никому не расскажешь про это место!

Я засмеялся: дед был, как маленький.

– Честное пионерское! – сказал я. Дед потребовал, чтобы я сказал:

– Даю слово чести!

Только я произнёс это, как по верхушкам болотного ка-

мышья прошёлся ветер, погнав живую волну из высокой травы.

– Очеретовый вал, портал дал добро. Теперь перед тобой открыт путь в страну зелёного тумана. Осталось дожидаться, когда взойдёт солнце и появится круглая радуга.

Я не удивился, мне уже приходилось видеть эти круглые радуги над озером. Я не знал, какую функцию эта радуга выполняет в этом месте, дед всё же, был чудачком – замечательным чудачком. Я уже перестал бояться, мне стало даже весело от этих чудачеств. Дед предлагал мне условие какой-то волшебной задачи, в которой есть, портал, очеретовый вал, круглая радуга и страна зелёного тумана, и мне предстояло найти решение, под «честное слово» не заглядывая в ответ на последней странице. Дед улыбался:

– Это правильно!

Я уже почти дошёл до последней страницы, но ответа до сих пор не знаю. Мне опять стало страшно, под одежду стал забираться утренний туман, стало холодно и зыбко, я растворился в этом «болотном молоке». Взошло солнце, и туман рассеялся, над нами и под нами, вокруг нас появилась круглая радуга, через которую, внутри неё был проброшен очеретовый висящий мост. Я не знаю, на чём он крепился, по бокам от радуги всё было скрыто туманом. Мне казалось, что этот мост был привязан к самой радуге, и что он уходит в небо, но это казалось.

– Путь открыт.

И дед взял меня за руку. Я впервые шёл по очеретовому мосту в страну зелёного тумана. Мне было интересно, по сторонам ничего не было видно, внизу сначала было болото, потом стена камыша, а потом всё утонуло в «молоке», даже радуга. Я видел только продолжение своего пути и ноги впереди идущего деда. Цвет тумана менялся, в зависимости перехода через радугу, и наконец, мост закончился, я спрыгнул на землю, вслед за моим проводником, и мост пропал, вместе с радугой. Остался только туман зелёного цвета, рядом никакой страны я не видел. Из тумана выглянул хомяк, большой и толстый.

– Это Чен. Чен сегодня встречальщиком назначен, это типа вашей таможни.

Дед достал из своей котомки пачку прессованного рафинада. Хомяк пропустил нас, за нашей спиной раздался хруст от съеданного сахара. Наверное, таможня этой страны зелёного тумана не отличается от контролирующих органов других стран: всё вкусное, что можно, съедается на месте. Дед опять заулыбался:

– Чен не таможенник, Чен встречальщик. Если бы не было меня, то он бы провёл тебя в город. А сахар? Он заказал мне. Чену нравится вкус сахара.

Чен – это было первое живое существо, что встретилось на нашем пути. Я раньше не видел хомяков никогда, я не думал, что они такие большие.

– Дед, а Чен – хомяк?

Дед растерялся:

– С чего ты взял?

– Ну, как, он похож на хомяка!

– Нет, Чен не хомяк. Хомяки здесь не водятся. Ты находишься в чужом мире, внук. Следи за своим языком, не нужно оскорблять местных жителей, или давать им клички. Чен из вотянов, они дружелюбны, но очень обидчивы. Оскорбив одного, ты оскорбишь весь народ. В этом мире нет такого слова, как обида. В этом мире нет такого слова, как прощение. Здесь никто не будет тебе мстить, здесь нет мести. В этом мире нельзя обидеть умышленно, чтобы потом, раскаявшись в содеянном, и попросить прощения. В этом мире, просто, тебя не поймут, а к тем существам, кого посчитают не понятным – отношение точно такое, как в других мирах. Поэтому привыкай: чтобы в стране зелёного тумана тебя считали адекватным, старайся никого не обижать, и думай над каждым словом, прежде чем его сказать.

Я постарался вычеркнуть из своей головы хомяка. Мало ли, кто на кого похож? Дед был прав, мне самому не нравилось, когда меня обижали.

– Дед, а эти вотяны, они и разговаривать умеют?

– Здесь, кроме вотянов много народов, у каждого из народов свой язык, между собой они общаются на универсальном. Погоди, доберёмся до города, первым делом тебя в ясли определим.

– Дед, я вообще то вырос из ясельного периода!

– Опять ты перебиваешь старших. Здесь все пришельцы проходят через ясли. Тебя в яслях научат говорить, добывать пищу, не бояться живых корней, защищаться от диких червяков.

У меня опустилась челюсть:

– Дед, куда ты меня притащил? Здесь что, как в фильме ужасов дикие червяки есть? Значит есть хищная рыба и акулы людоеды?

– Нет, океанов, как самой хищной рыбы и акул в стране зелёного тумана нет, но дикие червяки водятся. И не дай бог, они встретятся на твоём пути! Ну, погоди, не всё сразу. Я чувствовал, что ты не веришь в мой бред, и считаешь, как твои родители меня неадекватным. Я привёл тебя в этот мир, в котором я буду доживать свою жизнь. Я не знаю, зачем я это сделал? По зову души, наверное. Я уже не появлюсь в вашем мире, после того, как верну тебя к родителям. Мне хотелось бы иметь связь между мирами, чтобы был у меня надёжный связной.

– Дед, а как ты вообще нашёл этот портал?

– Это долгая история, не на один день рассказа, я расскажу тебе, но после того, как тебя выпустят из яслей.

Город открылся сразу, за поворотом, он стоял на горе и больше напоминал муравейник, или репликацию старого Тбилиси. На разрушенной городской стене работали существа, похожие на майских жуков, или на скарабеев с картинок учебника по истории.

– Опять дикие черви напали на город.

– Дед, почему ты их называешь дикими червями? А, что, есть ещё и домашние, ручные?

Дед не стал отвечать на мой вопрос, он осматривал всю картину повреждений. Он догадался, что город оказался на пути маленькой семьи червей. Городу повезло, не один из скользких и безобразных, не проник за границу стен.

– Ты что-то спросил? А, да, ручные? Здесь нет зоопарков, дельфинариев и приютов для животных. В стране зелёного тумана, даже божьих коровок не держат в клетках. Здесь нет и никогда не было ручных животных. Все свои вопросы задашь воспитателю в яслях. Я не смогу тебе всего объяснить так доходчиво, как он. Я могу ошибиться, а он не имеет права на ошибку.

Мы подходили к городским воротам. У ворот стояла девушка, дед её отнёс тоже к встречающим. Он знал, наверное, всех жителей страны зелёного тумана. Девушка поздоровалась с дедом, назвав его Зельдом, а на меня она не обратила никакого внимания. На девушке была надета лёгкая накидка, похожая на медицинский халат, на земле стояли обычные напольные весы, только вместо килограммов, здесь были фрузы. На весах было всего три положения – норма, плюс и минус. Прежде, чем меня впустить в город, я обязан был пройти минимальный медицинский контроль. Деда это не касалось, только вновь прибывшие. Я стал на весы, дед вздохнул с облегчением, весы показали норму. Я спросил у

Зельда:

– Что такое фрузы? И, что бы было, если бы весы показали плюс или минус?

Дед согнулся пополам, его рассмешили Фрузы. Похожие с земными буквы, только читаются по-другому. Дед не стал расписывать транскрипцию, а сразу перевёл: калории, по-вашему. А, что бы было, он махнул рукой налево и направо. В одном месте был нарисован огромный плюс, и проходили соревнования по многоборью, спортсмены, явно страдали излишним весом. Я перевёл взгляд налево, туда, где нарисован был жирный минус – здесь была картина, абсолютно противоположная – санитары, насильно откармливали дистрофиков, приговаривая: – За маму, за папу. Я ещё не понимал универсального языка, но настоятельные рекомендации санитаров, с применением воронки для принудительного кормления, не нуждались в переводе. Дистрофиков откармливали, как рождественских гусей. Я, аж вздрогнул, врагу не пожелаешь такой участи! Дед потащил меня в дышалку, я понял – местный рентген так называется, потом в выводилку. Последняя процедура была похожа на русскую баню, только вместо пара, в парилке был химический туман. В выводилке нужно было пробыть не менее десяти минут. Из твоего организма выводилось всё: и шлаки, и закупорки, родинки с папилломами, и самое основное – глисты и различные насекомые, вместе с гнидами. В стране зелёного тумана, никогда не было этой напасти. Я даже не верил, при

моей чистоплотности, из меня столько грязи полезло через поры, что я покрылся скользким налётом, и стал похож на болотного упыря. Дежурный санитар заставил меня смыть эту грязь. На выход из выводилки по дезактивационному коридору мы шли вместе с дедушкой. Зельд молчал, на выходе нас переодели в местную униформу.

– Теперь ты похож на истинного горожанина. За свою одежду не беспокойся, она пройдет санитарную обработку и тебе её вернут, когда ты будешь покидать город.

Наконец, санитар раскрыл двери, и мы с дедом вывалились во двор. Меня поразило, двор мне показался неухоженным, это была площадь с засыпанными ямами, в середине площади был фонтан без воды, за фонтаном был постамент без памятника, вокруг площади стояли старинные красивые дома, они казались бутафорскими на фоне этой разрухи. Народу на площади не было совсем. Я посмотрел на деда. Он прочитал мой вопрос в моих глазах,

– Не обращай внимания, это для червей! Подожди, сейчас спустят лестницу.

И действительно, сверху нам сбросили верёвочную лестницу. Я поднял глаза, неба я не видел, всё утопало в зелёном тумане. Туман искажал реальность, клубился над крышами домов, и казалась, что лестница уходит в небо. Дед уступил мне право, первому опробовать это альпинистское снаряжение. Я подымался вверх, вокруг меня был туман, подо мной и вверху был туман. За мной пыхтел дед. Мои руки

нащупали поручень, и кто-то помог мне влезть наверх. Подо мной опять был мост, сплетённый из камыша. Дед называет его очеретом. Я слышал, что, в старые времена, камышом крыли крыши домов, но про мосты, мне никто не рассказывал. В стране зелёного тумана, всё было из очерета: и циновки, и ковры, игрушки, поделки, картины. Из очерета делали мебель, матрацы, кровати, столы, гамаки, батуты. Камыш в этом мире был одним из главных строительных и отделочных материалов. А ещё, местные жители из камыша делали вкуснейший очеретовый лимонад. В этой стране выращивали сладкий очерет. Рецепт его приготовления жители хранили в секрете, но я об этом ещё не знал. Помогальщики поставили деда на мост, и мы потопали, разрезая клубы зелёного тумана. Мост вывел нас на дорогу, туман немного рассеялся, это был горный серпантин, дорога вилась, петляла вокруг скалы, иногда уходила в небольшие туннели. Навстречу нам попала стайка местной детворы, все поздоровались с нами, они были моими ровесниками, девочки стреляли в меня любопытными глазами, а мальчишки, наоборот, напустили на себя такую важность. Я ещё не знал из какого они народа, но очень похожи на людей, только лица у них были, уж, очень игрушечными. Честное слово, этот народ был, как нарисованный, из какого-то мультфильма. Мы подымались долго, но все дороги где-то и когда-то кончаются. И я увидел город, в котором живут люди, он находился в самой скале, это было странное место – пещера переходила в каньон, город

был пятиуровневый, с домами, магазинами, всевозможными учреждениями, здесь только ткацких фабрик было три. А ещё здесь было несколько фуникулёров, в разных направлениях, и всё это висело над пропастью и было сплетено из очерета. Мы шли по камышовой прочной дороге, нас обгоняли странные машины, я даже не мог предположить, как и на чём они работают. Мимо нас сновали различные существа, снимая друг перед другом шляпы. На велосипеде ехала лошадь, вернее, существо, похожее на лошадь. Дед сделал мне замечание, что не прилично так смотреть на даму. Мы подошли к зданию, на котором висела вывеска вниз головой, или вверх ногами.

– Это ясли.

С вывески спрыгнул кот:

– Здравствуй Зельд. Кого ты к нам привёл?

Этот кот по-литовски говорил лучше меня.

– Это мой внук. Он будет связным с моим миром, вместо меня. Я готовлю замену.

Дед не посчитал нужным меня представить. Он сказал, что нас всего двое землян в этом мире, спутать нас трудно, если народу нужно будет, то он сам даст тебе имя. Я узнал, что кота зовут Миц, и он будет главным инструктором на весь процесс моего ясельного обучения. На этом мы с дедом попрощались, он сказал, что сам ко мне наведываться будет, обучение недолго продлится – месяца три, а когда выучишь язык, тебе любой объяснит, где Зельд живёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.